

УДК 811.13'37

doi 10.17072/2037-6681-2018-1-44-53

АССОЦИАТИВНО-ДЕРИВАЦИОННАЯ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ИТАЛ. *SANGUE* 'КРОВЬ'

Славяна Сергеевна Михалищева

аспирант кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. ssm01@yandex.ru

SPIN-код: 1267-7121

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3209-7719>

ResearcherID: D-3808-2018

Статья поступила в редакцию 25.01.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Михалищева С. С. Ассоциативно-derivационная и фразеологическая семантика итал. *sangue* 'кровь' // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 44–53. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-44-53

Please cite this article in English as:

Mikhailishcheva S. S. Assotsiativno-derivatsionnaya i frazeologicheskaya semantika ital. *sangue* 'krov'' [Associative, Derivational and Phraseological Semantics of the Italian *Sangue* 'Blood']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 44–53. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-44-53 (In Russ.)

Статья посвящена рассмотрению ассоциативно-derivационной семантики слова *sangue* 'кровь' в итальянском языке. Дериваты распределяются по тематическим группам (физический мир; психический мир; социальные конфликты; семья, родственные отношения; обрядность; быт; природа), проводится мотивационный анализ семантических дериватов, выявляются универсальные и специфические семантические переходы, высказываются предположения об этнокультурной мотивации некоторых языковых фактов, приводятся сведения об этимологии слов со значением «кровь» в итальянском языке (итал. *sangue*, итал. *cruore*). Впервые предпринимается попытка создания этнолингвистического портрета слова *sangue* в итальянском языке. Выясняется, что данное слово, с одной стороны, обладает семантикой, характерной для других «внутренних» соматизмов (например, может обозначать явления как физического, так и психического мира), а с другой стороны, эта лексема во многом отражает амбивалентное восприятие крови (кровь осмысливается одновременно и как показатель жизни, и как показатель смерти). Обнаруживается, что в итальянской языковой картине мира кровь имеет отношение к плотскому началу человека, но в то же время является и символом высокой искупительной жертвы (Христа или мучеников). Такая амбивалентность семантики связана, вероятно, с влиянием христианства на народную культуру. Материалом исследования стали данные крупнейших словарей итальянского языка – Словаря итальянского языка Н. Томмазо и Большого словаря итальянского языка С. Батталья.

Ключевые слова: соматическая лексика; семантическая деривация; мотивационная модель; семантический переход; этнолингвистический портрет.

Лингвокультурологи и этнолингвисты уже обращались к изучению обозначений крови в разных языках. Так, Н. Е. Мазалова рассматривает традиционные представления о функционировании крови, отраженные в русском языке [Мазалова 2001], С. Средкова исследует семантиче-

ское пространство слова *крв* 'кровь' в болгарском языке [Средкова 2008], А. Тырпа предлагает этнолингвистическое описание слов со значением «кровь» в польском языке [Тырпа 2006]. Лингвистический портрет крови в разных языках обладает универсальными и специфическими чер-

тами. На статус универсальных представлений (по крайней мере, по данным европейских языков) претендует понимание крови как жизненно важной жидкости, символа генетической связи людей и др. Специфические черты портрета в каждом языке свои, при этом причины специфичности связаны, в частности, с историко-культурным контекстом. С этой точки зрения важно обратиться к итальянскому языку: любопытно проследить, как в итальянской «лексике крови» отражается влияние богатейшей истории, культуры, религии, обнаруживаются ли в современном языке следы взаимодействия язычества и христианства etc. В данной работе постараемся проанализировать лингвистический портрет слова *sangue* в итальянском языке. В центре нашего внимания в первую очередь семантико-мотивационные связи этого слова.

В итальянском языке отмечены два слова со значением ‘кровь’: общеупотребительное *sangue* и устаревшее, книжное *cruore*. Слово *sangue* восходит в конечном счете к и.-е. **suk-*, **sak-* ‘течь’ [Вопомі: *sangue*], к этому же корню восходит, например, и рус. *сок*¹. Слово *cruore* является родственным (на индоевропейском уровне) рус. *кровь*, в качестве древнего соответствия называют ир.-авест. **xrī* со значением ‘кровоавое, сырое мясо’ [ЭССЯ 13: 68]. Традиционно считается, что слова *sangue* и *cruore* имеют различия в своих первоначальных значениях: *sangue* – это кровь, текущая по венам человека, «внутренняя кровь», а *cruore* – кровь, вытекающая из раны, или кровь, проливаемая в битвах [OLD: 462]. Однако в ЭССЯ такая трактовка подвергается сомнению: «Индоевропейской древности не было известно кровообращение в живом организме, и поэтому те названия крови, которые поддаются истолкованию, имели в виду прежде всего сочащуюся кровь и кровь видимую» [ЭССЯ 13: 70]. Интересно, что в современном итальянском языке такое противопоставление тоже не прослеживается: слово *sangue* употребляется даже в значениях ‘кровь, текущая из раны’, ‘кровь, проливаемая в битвах’. Отсутствие такой семантической антитезы наблюдается уже у Данте: *Li profondi fori (ferite) Onde uscì 'l sangue in sul quale io sedeai, Fatti mi fũro in grembo agli Antenori* («Я сам оттуда; но удар, который дал выход крови, где душа жила, я встретил там, где властны Антеноры») [Tommaso: *sangue*]. Таким образом, слово *sangue* становится универсальным способом выражения понятия ‘кровь’ и образует значительное количество семантических и семантико-словообразовательных дериватов (а также фразеологизмов, фиксирующих смысловые сдвиги в семантике опорного слова), которые распределяются по следующим тематическим группам:

- 1) «человек физический, здоровье, жизненная сила; жизнь и смерть»;
- 2) «психический мир человека, темперамент»;
- 3) «семья, родственные отношения»;
- 4) «социальные конфликты»;
- 5) «обрядность»;
- 6) «быт»;
- 7) «природа».

Проанализируем их подробнее.

Человек физический, здоровье, жизненная сила; жизнь и смерть

Отражение идеи витальности маркируется двояко: с одной стороны, кровь осмысливается как жидкость, «отвечающая» за физическое здоровье (ср. итал. *essere di buon sangue* (букв. «быть хорошей крови», т. е. «иметь хорошую кровь») ‘иметь здоровую конституцию’); с другой стороны, кровь часто является показателем смерти (ср. итал. *spargere il sangue* («проливать кровь») ‘убивать кого-то’).

Представления о крови как о витальной жидкости тела впервые встречаются в трактате «Природа человека» Полибия, зятя греческого врача Гиппократа: «В теле человека содержатся кровь, слизь, желтая желчь и черная желчь. Они и составляют природу тела, они и определяют болезнь и здоровье. При этом полное здоровье возможно тогда, когда жидкости, как в качественном, так и в количественном отношении, пребывают в верной пропорции между собой и смешиваются наилучшим образом» [Трюон, Ле Гофф 2016: 106–107]. Подобные представления о функционировании человеческого тела были свойственны всей европейской медицине, с ними связана и традиция кровопускания как универсального средства против многих болезней. Считалось, что если дать «плохой» крови уйти, то самочувствие человека улучшится. Плохим функционированием крови объяснялись некоторые болезни: итал. *sangue morto* («мертвая кровь») ‘застой крови в какой-либо телесной полости’, *male di sangue* («болезнь крови») ‘полнокровие’ [Battaglia 17: 498], *colpo di sangue* («удар крови») ‘апоплексия’ [там же: 504]. Потеря крови осмысливается как смертельно опасная, ср. *perdere sangue* («терять кровь») ‘истекать кровью’ [Tommaso: *sangue*], *esangue* («обескровленный») ‘безжизненный, мертвый’ [Treccani: *esangue*].

Представления о том, что кровь является квинтэссенцией человеческих сил, отражались в некоторых обрядах Древнего Рима: так, считалось, что кровь гладиаторов обладает чудодейственными свойствами, следовательно, если человек выпьет эту кровь, то может излечиться от эпилепсии, бесплодия. Плиний Старший описывает этот обычай так: «Эпилептики пьют кровь

гладиаторов, как будто это чаша жизни...Они верят, что лучше всего пить кровь теплой из самого человека, когда он находится при издыхании, прижимаясь губами к ране, черпая из нее квинтэссенцию самой жизни» [Напп 2013: 69].

По-видимому, кровь считалась не только средоточием сил человека, но и сексуальной энергии. Р. Напп рассказывает о приворотном ритуале, в котором использовалась кровь гладиаторов: «Приворотное зелье совершалось при помощи героев, гладиаторов, а также тех, кто погиб жестокой смертью. Оставь ломтик хлеба, который ты ешь, раздели его на семь маленьких кусочков. И направляйся туда, где были убиты герои, гладиаторы и те, кто погибает жестокой смертью. Прочти заклинание над кусочками хлеба и брось их. Затем набери немного оскверненной грязи с места, где совершаешь ритуал, и брось ее в дом женщины, которую желаешь, потом иди домой и ложись спать» [там же].

Представления о крови как о жизненно важной субстанции способствуют появлению у нее – как знака языка культуры – символического потенциала. Так, в песне Фабрицио де Андре *La guerra di Piero*, посвященной Второй мировой войне, есть такие строчки: Sparagli, Piero, sparagli oga, e dopo un colpo sparagli ancora, fino a che tu non lo vedrai **esangue** cadere in terra a **coprire il suo sangue** («Стреляй в него, Пьеро, стреляй сейчас, и после одного выстрела стреляй еще, до тех пор пока не увидишь, как он, **обескровленный**, падает на землю, чтобы **закрыть телом свою кровь**»). В данном контексте кровь выступает одновременно и как символ жизни, и как символ смерти.

Здоровым и красивым человеком представлялся тот, у которого кровь функционирует нормально: итал. *esseredi buon sangue* (букв. «быть хорошей крови», т. е. «иметь хорошую кровь») ‘иметь здоровую конституцию’, итал. *esserelattee sangue* («быть как кровь с молоком») ‘иметь бело-розовый, цветущий цвет лица’ [Battaglia 17: 504]. Особого комментария заслуживает последнее выражение. В. М. Мокиенко указывает, что оно имеет многочисленные параллели в европейских языках: «Выражение-интернационализм, которое активно употребляется во многих славянских и неславянских языках: укр. *кров з молоком*, белор. *кроу з малаком*, пол. *krew z mlekiem*, чеш. *krev a mle'ko*, словац. *krv a mlieko*, болг. само *мяко и кръв*, нем. [*wie*] *Milch und Blut*, норв. [*som*] *melkogblod* («как молоко и кровь»), итал. *latte e sangue* («молоко и кровь»). В несколько иной форме выражение представлено в тюркских языках: казах. «из обеих щек кровь закапала», тур. «с лица кровь капает». В русском литературном языке этот оборот в

формах *как кровь с молоком, кровь с молоком* активно употребляется с XVIII в. такими писателями, как Осипов, Ф. Г. Волков, Н. М. Карамзин, и фиксируется историками. В Вейсманновом «Лексиконе» (1731) он сопровождается немецкими и латинскими эквивалентами *wie Milchund Blut* и *rubor candore temperatus*. На латинскую параллель из «Науки любви» Овидия – *candidor lacte* («белее молока») указывает М. И. Михельсон. Эти факты подтверждают классифицирование выражения как европеизма» [Мокиенко 2005: 360].

В итальянском языке кровь осмысливается как средоточие физической, плотской сущности человека: итал. *sangue* ‘физические потребности человека в противопоставлении духовным’: («Почему в духовном плане осуждается то, что священо для крови?») [Battaglia 17: 499], итал. *carne e sangue* («мясо и кровь») ‘физическая сущность человека, его чувства’ («Как мало считать, что эта любовь происходит из плоти и крови») [там же]. Н. Томмазео отмечает: «Так как кровь является необходимой жидкостью для жизни, в древности считалось, что кровь являетсяместилищем животной, плотской жизни человека, в отличие от души (*anima, animus*) и духа (*spiritus*)» [Tommasео: *sangue*]. Так, он приводит следующие примеры: лат. *una eadem que via sanguisque animus que sequuntur* («По одной и той же дороге идут кровь и дух»); лат. *Undantique animam diffundit in arma cruore* («Душу кровавой волной на оружие свое изливая»); вульг.-лат. *Li profundi fori (ferite) onde uscì 'l sangue in sul quale io sedea, Fatti mi fùro in grembo agli Antenori* [ibid.]. Любопытно, что, согласно античным представлениям кровь является одной из составляющих сущности человека, а именно олицетворяет плотское начало человека, а с развитием христианства начинает осмысливаться и как физическое проявление высокой искупительной жертвы. *Кровь* сакрализуется, осмысливается аксиологически: итал. *sangue* ‘кровь Христа, пролитая ради жизни человечества’ [Battaglia 17: 498]. И так, кровь, пролитая Христом, осмысливается как ценная, принеся спасение людям. Аналогичным образом оценивается кровь мучеников: итал. *Battesimo di sangue* («крещение крови») ‘смерть, встреченная мучениками’ [там же: 500].

Дериваты слова *sangue*, обозначающие явления **физического мира**, мотивированы не биологическими свойствами крови (цвет, запах, вкус etc.), а **знаниями** о том, что кровь действительно участвует в жизненно важных процессах организма. Интересно, что именно на основе реальных медицинских фактов в народном языковом сознании крови приписываются и совершенно не свойственные ей функции.

Таким образом, дериваты слова *sangue*, обладающие общей семантикой физического мира, представлены в амбивалентных ипостасях: с их помощью маркируется как жизнь, так и смерть. Интересно также заметить некоторые семантические переходы от физического мира к духовному, когда речь идет о семантике жертвы в христианском контексте.

Психический мир

Кровь – один из тех органов, которые, по народным представлениям, занимают пограничное положение между физическим и психическим миром человека. Крови приписывается связь с эмоциями и психикой. Любопытно, что на роль типа крови в формировании характера, темперамента человека обратили внимание еще в античности, в связи с чем стоит вспомнить название одного из видов темперамента, ср. итал. *sanguinico, sanguigno* ‘сангвиник’, которое образовано от лат. *sanguis* ‘кровь’. В обозначениях темперамента человека важное значение имеет температурная характеристика, ср. итал. *di sangue freddo* («холодной крови») ‘о том, кто нелегко поддается страстям’, итал. *di sangue caldo* («горячей крови») ‘способный к живым страстям, стремительным порывам’ [Battaglia 17: 500]. Маркироваться может также и собственно наличие крови (показатель сильного темперамента) у человека, ср. итал. *avere sangue nelle vene* («иметь кровь в венах») ‘быть очень страстным человеком, который быстро и жестоко реагирует’ [там же: 503]. Иногда выделяются особые качества человека, например, мягкость характера, ср. итал. *di sangue dolce* («сладкой крови») ‘мягкий, уступчивый’ [там же: 500]².

При обозначении чувств интенсификатором значения может выступать и цветовой признак, ср. итал. *sangue nero* («черная кровь») ‘смертельная ненависть’ [Tommaso: sangue], итал. *avere il sangue verde* («иметь зеленую кровь») ‘беситься от гнева’ [Battaglia 17: 503]. Сочетаемость с такими обозначениями цвета, необычными для крови, с одной стороны, связана с представлениями о норме/не-норме (нормой является красный цвет), ср. итал. *avere il sangue rosso* («иметь красную кровь») ‘быть отходчивым, таким, с которым легко наладить отношения после обиды’ («Каждый имеет красную кровь, и каждая змея имеет свой яд») [Tommaso: sangue], а с другой стороны, в формировании значений первых двух выражений играет роль семантика собственно обозначений черного и зеленого цветов. В традиционной итальянской культуре черный (*nero*) обладает негативной символикой (и это практически универсалия – как минимум для индоевропейских лингвокультурных традиций), ср. *essere*

nero di rabbia («быть черным от злости») ‘сильно разозлиться’ [там же: nero]. Зеленый цвет (*verde*) осмысляется амбивалентно: с одной стороны, зеленый – показатель жизни, полноты сил, ср. итал. *vivo e verde* («живой и зеленый») ‘о здоровом человеке’, с другой стороны, зеленый цвет также осмыляется как цвет болезни, ср. итал. *essere verde, avere il viso verde* («быть зеленым, иметь зеленое лицо») ‘о болезни или о переживаемом гнев’ [там же: verde].

Кровь воспринимается как некая телесная действующая сила, которая руководит эмоциональной жизнью всего организма, ср. итал. *andare il sangue alla testa* («кровь идет в голову») ‘о гнев, негодовании’ [Battaglia 17: 503], итал. *salire, montare, venire il sangue alla testa* («кровь идет, поднимается в голову») ‘быть во власти гнева, мятежного порыва’, итал. *scaldarsi il sangue* («греть кровь») ‘гневаться’ [там же: 506]. Участие обозначения крови в номинациях интенсивных чувств обусловлено, скорее всего, особенностями физиологического восприятия этих чувств человеком: когда человек испытывает возбуждение, температура тела повышается, кровь начинает циркулировать быстрее, приливает к поверхности кожи, окрашивая ее в красный цвет. Кровь становится видимой, и следствие физиологического процесса принимается наивным языковым сознанием за причину. Среди негативных эмоций, представления о которых могут быть выражены в «кровоавой» фразеологии, выделяются:

- 1) страх, волнение, тревога: итал. *agghiacciarsi il sangue entro le vene* («леденить кровь в венах») ‘оставаться парализованным (из-за интенсивности чувства страха)’ [там же: 502], итал. *non rimanere sangue addosso* («не оставлять крови на себе») ‘о невероятном страхе’ [Tommaso: sangue], итал. *essere, stare col sangue rimescolato* («быть, находиться с перемешанной кровью») ‘тревожиться’ [там же: 504], итал. *ravvilupparsi i sanguini* («сворачиваться (о крови)») ‘сильно тревожиться’ [там же: 506];
- 2) ненависть, гнев, раздражение: итал. *avere fra se` sangue nero* («иметь друг между другом черную кровь») ‘смертельно ненавидеть друг друга’ [там же: 503], итал. *mettere sangue fra qualcuno* («класть кровь между кем-либо») ‘возбуждать ненависть’ [там же: 505], итал. *fare cattivo sangue* («делать плохую кровь») ‘злиться’, итал. *farsi il sangue cattivo, brutto sangue* («делать себе плохую, неприятную кровь») ‘беситься, злиться’ [там же: 504], итал. *mangiarsi il sangue* («есть свою кровь») ‘злиться, раздражаться’, итал. *far fare il sangue verde* («заставлять делать зеленую кровь»)

‘злить’, итал. *farsi rosso il sangue a qualcuno* («делать кровь кого-либо красной») ‘обращать в гнев или злость кого-либо’ [Tommaso: *sangue*], итал. *guastarsi il sangue* («портить себе кровь») ‘злиться из-за чего-либо; тревожиться, раздражаться’ [там же: 505]. Это самая сильная эмоция – и при ее вербализации эмоциональный накал может быть усилен всеми цветовыми эпитетами, имеющими в данном случае идентичную символику («красный» = «зеленый» = «черный»);

- 3) печаль: итал. *far tristo sangue* («делать печальную кровь») ‘о сожалении, скуке’ [там же], итал. *fare sangue* («делать кровь») ‘вызывать страдания и тоску (о виде искусства)’ [там же: 504].

Среди положительных эмоций выделяются:

- 1) эмпатия: итал. *leggere il sangue a qualcuno* («читать чью-либо кровь») ‘знать направления самых скрытых чувств и желаний кого-либо’ [там же: 505];
- 2) симпатия: итал. *andare a sangue* («идти к крови») ‘быть подходящим; представляться приятным, привлекательным; нравиться; удовлетворять’ [там же: 503], итал. *avere qualcuno nel sangue* «иметь кого-либо в крови» ‘считать кого-либо невероятно привлекательным’, итал. *avere un gran sangue a qualcuno* «иметь большую кровь к кому-либо» ‘испытывать живое влечение’ [там же]. Данные выражения появились в итальянском языке благодаря наличию у слова *sangue* семантики, связанной с физическим, плотским началом человека (см. выше).

Как можно заметить, большая часть дериватов слова *sangue* обладает негативной окраской: с их помощью обозначаются обычно сильные неприятные чувства. Нельзя не отметить, что эти чувства иррациональны, они связаны скорее с животным началом человека, нежели с интеллектуальным или духовным. Вообще, для ассоциативно-деривационной и фразеологической семантики соматизмов характерно, что отражаемые в ней эмоции могут быть разделены на «высокие» и «низкие»: к примеру, слова со значением ‘сердце’ участвуют в номинациях «высоких», «благородных эмоций», ср. итал. *avere peso sul cuore* («иметь груз на сердце») ‘тревожиться, переживать’, рус. *от всего сердца* ‘искренне’, а, к примеру, со значением ‘печенка’ – в номинациях «низких», «стыдных» эмоций (не всегда, но, по крайней мере, нередко), ср. рус. *В печенках сидит* ‘раздражает, надоедает’. Е. Л. Березович отмечает, что «одни органы могут быть “сниженными двойниками” других (допустим, *потроха* или *печенка – души и сердца*)» [Березович 2016: 91].

Дериваты слова *sangue* могут участвовать и в номинациях явлений интеллектуальной сферы, ср. итал. *convertire in succo e in sangue* («обратить в сок и кровь») ‘интеллектуально усвоить’, итал. *convertirsi in sangue* («обратиться в кровь») ‘быть полностью усвоенным интеллектуально’, итал. *scritto col sangue del cuore* («написано с кровью сердца») ‘выражая самые искренние чувства’ [Battaglia 17: 504]. Крови здесь приписывается связь с внутренним, духовным миром человека. Однако для крови не характерна связь с интеллектуальной сферой, кровь скорее выражает пограничные чувственно-физиологические, инстинктивные явления.

Семья, родственные отношения

Кровь осознается как символ генетической связи людей, ср. итал. *affare di sangue* («дело крови») ‘чувство, продиктованное родством’ [Battaglia 17: 502]. Согласно языковому портрету кровь имеет голос, ср. итал. *voce del sangue* («голос крови») ‘естественное влечение к родителям или родственникам’; она участвует в формировании оппозиции «свой – чужой», ср. итал. *sangue del proprio sangue* («кровь от собственной крови») ‘для указания на взаимную принадлежность родителей и детей’ [там же], итал. *sangue paterno, materno* («отцовская, материнская кровь») ‘о родственниках и предках’ [Tommaso: *sangue*], итал. *il proprio sangue* («собственная кровь») ‘родной ребенок’, итал. *sangue mio* («моя кровь») ‘родной ребенок, родные дети’ [там же: 501]. Такие представления о крови характерны для многих языков. Так, А. Тырпа пишет о важности образа крови в формировании семантики родства, используя польский материал: «Об “узах крови” говорят выражения типа *Krew – piqta woda po marchwi* («кровь – пятая вода после моркови») ‘об очень далеком родственнике’. «Вода после моркови» может означать бледно-красный цвет, слабый оттенок крови. Происхождение в семейном смысле расширяется до происхождения этнического, а также до связей с какой-либо группой людей» [Тырпа 2007: 119].

Кровь является и признаком знатного происхождения, ср. итал. *sangue blu* «голубая кровь» ‘благородство, знатность’, итал. *sangue* ‘благородство рождения, рода или родства’ [Battaglia 17: 502], итал. *gentilezzadi sangue* («благородство крови») ‘знатность’, итал. *nobile sangue* («знатная кровь») ‘принадлежащий к знати’ [там же: 501], итал. *essere di buon sangue* («быть хорошей кровью») ‘происходить из хорошей семьи’ [там же: 504]. Итал. *sangue blu* представляет собой, по видимому, кальку с испанского *le sangre azul*. В. М. Мокиенко указывает, что первоначально

так называли себя аристократические семьи испанской провинции Кастилья, гордившиеся тем, что их предки никогда не вступали в смешанные браки с маврами и другими народами со смуглой кожей. В выражении подразумевается, что у людей со светлым оттенком кожи вены имеют голубоватый цвет, чего не наблюдается у лиц со смуглой кожей [Мокиенко 2005: 359].

Дериваты слова *sangue* участвуют в номинациях юридических норм, ср. итал. *diritti del sangue* («права крови») ‘семейные права, основанные на биологическом отношении к происхождению’, итал. *per diritto di sangue* («по праву крови») ‘на основе отношения к происхождению (как способ завоевания юридических позиций, таких как гражданство)’ [Battaglia 17: 502]. Подобные номинации свидетельствуют о четкой маркированности крови как носителя генетической информации.

Социальные конфликты

Наличие дериватов слова *sangue* в данной тематической группе связано с тем, что кровь является показателем смерти, физических и душевных страданий разной степени. Так, компонент *sangue* может участвовать в выражениях, обозначающих враждебные отношения между людьми, ср. итал. *agghiacciare il sangue, i sanguini entro le vene* («леденить кровь в венах») ‘терроризировать, запугивать’ [Battaglia 17: 502], *far venire il sangue al naso* («заставить кровь пойти из носу») ‘терроризировать’ [там же: 504], *bere il sangue di qualcuno* («пить чью-либо кровь») ‘причинять страдания’ [там же: 503]. Особенно выделяются враждебные отношения, связанные с экономическим давлением, ср. итал. *bersi il sangue di qualcuno* («напиться чьей-либо крови») ‘разорить кого-либо ростовщицеством’ [там же: 503], *premere fino al sangue* («давить до крови») ‘разорять кого-либо посредством высоких налогов’, *perdere il cuore e il sangue* («терять кровь и сердце») ‘разориться’ [там же: 505], *trarre il sangue a qualcuno* («тянуть кровь из кого-либо») ‘разорить кого-либо посредством налогов’, *sudare sangue* («потеть кровью») ‘страдать экономически’ [там же: 506].

Дериваты слова *sangue* участвуют в номинациях всех элементов отражающегося в языке «сценария» убийства. Рассмотрим основные элементы:

1) замысел: итал. *pensieri di sangue* («мысли о крови, кровавые мысли») ‘о намерении убить кого-либо’ [Tommaso: *sangue*], итал. *volere il sangue di qualcuno* («желать чьей-либо крови») ‘желать убить кого-либо’, итал. *sitire sangue* («жаждать крови») ‘желать убить кого-либо’ [там же];

- 2) процесс – использование слова *sangue* в выражениях со значением ‘убивать’ отражает важные для языкового сознания признаки крови. Так, кровь осознается как жизненно важная жидкость, ср. итал. *andare al sangue* («идти до крови») ‘совершать убийства’ [там же: 502]; стихия, ср. *fare lago di sangue* («делать озеро крови») ‘совершать убийства’ [там же: 504]; жидкость, которая может испачкать, придать красный цвет кому-то или чему-то, ср. *insanguinarsi le mani nel sangue di qualcuno* («обогреть руки в крови кого-либо») ‘убивать кого-либо’, *macchiare, lordarsi le mani del sangue di qualcuno* («пачкать, грязнить руки в крови кого-либо») ‘убивать кого-либо’, *mettere mano al sangue di qualcuno* («приложить руку к крови кого-либо») ‘убить кого-либо’; жидкость, которая имеет специфический запах, ср. итал. *puzzare di sangue* («пахнуть кровью») ‘совершить много преступлений’ [там же: 505]; жидкость, которая льется, ср. *spargere il sangue di qualcuno* («проливать чью-либо кровь») ‘убивать кого-либо’, *spargere la terra di sangue umano* («проливать человеческую кровь на землю») ‘совершать убийства’, *spargere, spandere sangue* («проливать кровь») ‘совершать убийства, кровавые боины’ [там же: 506];
- 3) удовольствие от убийства: итал. *suggere il sangue di qualcuno come miele* («сосать кровь кого-либо как мед») ‘испытывать удовольствие от убийства’ [там же];
- 4) преступник: итал. *reo di sangue* («преступник крови») ‘обвиняемый или виновный в преступлении (убийстве или ранении)’ [там же: 501];
- 5) ответственность за убийство: итал. *bruttarsi le mani nel sangue di qualcuno* («пачкать руки в чьей-либо крови») ‘быть виновным в убийстве’ [там же: 503], итал. *imbrattarsi le mani nel sangue di qualcuno* («запачкать руки чьей-либо крови») ‘быть ответственным за убийство или его исполнителем’ [там же: 505];
- 6) место убийства: итал. *correre le vie sangue, rivi di sangue* («бегут улицы, ручьи крови») ‘о городе, где произошли массовые убийства’ [там же], *andare a sacco e a sangue* («дойти до мешка и до крови») ‘быть местом грабительских действий, жестокости и убийств’ [там же: 502];
- 7) месть за убийство: итал. *sentenza di sangue* («суждение крови») ‘месть, которая предполагает убийство обидчика (также в выражении *vendetta di sangue* («кровавая месть»))’, *diritto di sangue* («право крови») ‘право убить обидчика, принятое на ранних этапах развития общества, когда месть считалась формой народного правосудия’ [там же: 500], *lavare un'offesa*

col, nel sangue («смыть обиду кровью») ‘избавляться от чего-либо порочащего путем жестокого убийства’ [Garzanti Linguistica: *sangue*].

- 8) смертный приговор, наказание: итал. *balia, facolta` o potesta` di sangue o di far sangue* («власть, способность проливать кровь») ‘иметь возможность выносить приговор за убийства’, *fare sangue* («делать кровь»): ‘объявлять или приводить в исполнение смертельный приговор’, ‘экспр. убить ‘рукой правосудия’ во время волнений и восстаний’, *sentenza di sangue* («суждение крови») ‘смертный приговор’ [Battaglia 17: 500], *punire in sangue* («наказать кровью») ‘приговорить к смерти’ [там же: 505].

Участие дериватов слова *sangue* в лексике данной семантической сферы объясняется традиционными представлениями о войне, сражении или драке как о *кровопролитных*. Дериваты, относящиеся к семантической сфере конфликтов, мотивируются физическими свойствами крови: цветом, запахом, вкусом, текучестью, «скрытостью» за поверхностью кожи.

Обрядность

Кровь является необходимым элементом многих ритуалов и обрядов³. В христианской церковной практике она символизирует кровь Христа, что проявляется, например, в обряде причастия, при котором красное вино является субститутом крови.

Слово *sangue* может участвовать в номинациях церковных праздников, ср. итал. *Sangue preziosissimo di Nostro Signore Gesu` Cristo* («ценнейшая кровь нашего господина Иисуса Христа») ‘поклонение, начавшееся в Средние века в отношении святых останков страданий Христа, с середины XVI в. стало настоящей формой литургических празднований; праздник отмечается 1 июля начиная с 1914 года’ [Battaglia 17: 504].

Быт

Данная тематическая группа включает в себя лишь несколько наименований продуктов. Показательно (далее будет объяснено, почему), что эти наименования являются метафорическими. С участием слова *sangue* обозначается красное вино: итал. шутол. *sangue di botte* («кровь бочки») ‘вино’ [там же: 499], итал. *sangue di Giuda* («кровь Иуды») ‘красное вино с высокой плотностью, горьковатым послевкусием, типичное для Ольтрепо Павезе’ [там же: 502], сок красного цвета, ср. итал. *sangue* ‘сок, выжимаемый из красных или фиолетовых фруктов (в частности, из винограда)’: «Кровь ежевики и молоко лукашалот» [там же: 499].

Небольшая наполненность данной тематической группы, думается, связана с кулинарными традициями Италии, которые не предполагают использования крови в пищу.

Природа

К этой тематической группе относятся названия жидкостей, извлекаемых из живых организмов в промышленных целях, например, жидкость, сочащуюся из моллюска, ср. итал. *sangue di Turco* («кровь турка») ‘моллюск рода *Arca* (*Arca nucleus*)’: «*Arca nucleus* чаще всего обитает в глубинах наших лагун, но также живет и в море. Он не из тех наиболее распространенных ракушек, хотя и его легко обнаружить. Если он открывает эту двустворчатую раковину, его видно сквозь бордовую клейковину, которая пачкает своего обитателя и капает сквозь створки раковины, поэтому все внутренности окрашиваются в ярчайший запоминающийся цвет, более заметный для наших рыбаков, которые поэтому называют эту ракушку кровью турка» [Battaglia 17: 502]. Эта тематическая группа также включает в себя названия частей растений красного цвета, ср. итал. *sangue di drago o di dragone* («кровь дракона») ‘смола, извлекаемая из плодов вьющегося растения, принадлежащего к роду пальмовых; с легким запахом, кислого, вяжущего вкуса, растворимая в спирте и хлороформе; высушенная, «спрессованная» в мелкие шарики и галеты используется как краситель, в частности в производстве лаков. Активно применялась итальянцами в XVIII в.’ [там же: 507]; животных, ср. *sangue* ‘любая разновидность красного коралла’ [там же: 499]; природных ископаемых, ср. *sangue* ‘раскаленная магма’ [там же]; камней, ср. *sangue di Piccione* («кровь голубя») ‘разновидность рубина интенсивного и блестящего цвета’ [там же: 502]; удобрений, ср. *sangue secco, farina, polvere di sangue* («сухая кровь; кровавая пыль, мука») ‘органическое удобрение с большим содержанием азота, получаемое высушиванием крови, оставшейся от убоя скота; это пыль коричневатокрасного цвета, используемая также для питания животных’ [там же: 498].

В наивном языковом сознании носителей итальянского языка кровь осмысливается амбивалентно: она является и показателем жизни, и показателем смерти; она может обозначать явления физического мира и психического; она связана с чувственным, плотским началом человека, но может быть и символом духовного или физического жертвования; служит показателем и конфликтов, и родственной связи. Признаки крови, которые значимы при семантическом развитии

называющего ее слова, – это цвет, запах, вкус, текучесть, способность пачкать.

Кровь может быть «чьей-то»; «владельцами» крови, особенно маркируемыми итальянским языком, являются голубь (*piccione*), турок (*turco*), Иуда (*Giuda*). Такая модель номинации претендует на универсальность, во многих языках встречаются наименования, например, растений, по модели «чья-то кровь», ср. укр. *Христова кровця* ‘зверобой’, рус. диал. *семибратная кровь* ‘зверобой’ и т. п, но специфическим для каждого языка является набор «владельцев» крови. В данном случае итал. *sangue del turco* – пример ксеномотивации, типичной для многих языков, однако указания на конкретных инородцев, «актуальных» по каким-то причинам для народа-номинатора, специфичны. Появление данного выражения в итальянском обусловлено контактами итальянцев и турок, которые часто были противниками на войне.

Еще одним примером этноспецифичности в итальянском является название вина *sangue di Giuda*: данная номинация отражает влияние католицизма, а именно традиции причащения с использованием специального вина, символизирующего кровь Христа. *Кровь Иуды* в данном контексте отражает, с одной стороны, оппозицию норма/не-норма, а с другой – представления о крови отрицательного персонажа как темной, густой, *не такой, как у Христа*: вино под названием *sangue di Giuda* отличается исключительно темным цветом и густотой.

Примечания

¹ Среди дальних этимологических связей слова *сок* указывается, к примеру, и алб. *gjak* ‘кровь’ [Фасмер 3: 708].

² Здесь трудно дать точный перевод, так как итальянское слово *dolce* может обозначать разные качества чего-либо или кого-либо; в зависимости от контекста это слово может переводиться как сладкий, нежный, мягкий, теплый, радостный, пресный, ср. *un gelato dolce* («сладкое мороженое»), *una ragazza dolce* («нежная девушка»), *un clima dolce* («мягкий климат»), *acqua dolce* («пресная вода»).

³ Своеобразное «причастие» кровью проводится и при ритуале принятия нового члена в мафиозную «семью», который называется итал. *pinciuta*.

Список источников

Мокиенко 2005 – *Русская фразеология*. Историко-этимологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. В. М. Мокиенко. М., 2005.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964–1973.

ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков* / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974. Т. 13.

Battaglia – *Battaglia S.* Grande dizionario della lingua italiana. Vol. 1–21. Torino, 1961–2002.

Bonomi – *Bonomi F.* Vocabolario etimologico della lingua italiana. URL: <http://www.etimo.it/> (дата обращения: 20.01.2018).

Garzanti Linguistica. URL: <https://www.garzanti-linguistica.it/> (дата обращения: 20.01.2018).

OLD – P. G. W. Glare. Oxford Latin Dictionary. Oxford University Press, 1996.

Tommaseo – *Tommaseo N.* Dizionario della lingua italiana. Torino, 1861. URL: <http://www.tommaseobellini.it/#/> (дата обращения: 20.01.2018).

Treccani – *Vocabolario della lingua italiana*. URL: <http://www.treccani.it/> (дата обращения: 20.01.2018).

Список литературы

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. 600 с.

Березович Е. Л. Соматическая модель в номинации предчувствий и интуитивных чувствований // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 86–93.

Березович Е. Л., Седакова И. А. Славянские соматизмы «кожа» и «шкура» и их вторичные значения // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 71, № 6. С. 12–24.

Bierezowicz E. L. *Душа и сердце* как органы «шестого чувства» (на материале русского языка) // *Antropologicznojezykowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej*. Т. 1: *Dusza w oczach świata* / под ред. E. Masłowskiej, D. Pazio-Wlazłowskiej. Warszawa: IS PAN, 2016. S. 179–194.

Бјелетић М. От девет брата крв (фитоними и термини сродства) // *Кодови словенских култура*. Растения. Белград, 1996. 387 с.

Ле Гоф Ж., Трюон Н. История тела в средние века / пер. с франц. М., 2008. 192 с.

Мазалова Н. Е. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 192 с.

Макаријоска Л. Лексиката од областа на исторријата на медицината. Скопје, 2011. 426 с.

Митология на човешкото тяло: Антропологичен речник / съст. и ред. М. Георгиев. София, 2008. 665 с.

Hann P. *Скрытая жизнь Древнего Рима*. М.: Центрполиграф, 2013. 384 с.

Степанов Ю. С. *Константы: Словарь русской культуры*. 3-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2004. 990 с.

Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // *Русский язык в научном освещении*. 2002. № 1(3). С. 112–127.

Толстая С. М. Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание: XIV Междунар. съезд славистов. Докл. российской делегации. М., 2008. С. 549–563.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Тырпа А. Fraseologia somatyczna. Związki frazeologiczne o znaczeniach motywowanych cechami części ciała w gwarach polskich. Łask, Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2005. 373 с.

References

Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kultura* [Language and traditional culture]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 600 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Somaticheskaya model' v nominatsiyakh predchuvstviy i intuitivnykh chuvstvovaniy* [Somatic model in the nomination of premonitions and intuitional feelings]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2016, issue 3, pp. 86–93. 239 p. (In Russ.)

Berezovich E.L., Sedakova I.A. Slavyanskie somatismy «kozha» i «shkura» i ikh vtorichnye znacheniya [Slavic somatismes “kozha” (“skin”) and “shkura” (“hide”) and their secondary meanings]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Rossiskaya Akademiya Nauk. Izvestiya. Seriya Literatury i Yazyka], 2012, vol. 71, issue 6, pp. 12–24. 80 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. Dusha i serdtse kak organy shestogo chuvstva (na materiale russkogo yazyka) [Soul and heart as the sixth sense organ (on the material of the Russian language)]. *Antropologiczno jezykowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej. T. 1: Dusza w oczach świata*. Ed. by E. Masłowskiej, D. Pazio-Wlazłowskiej. Warsaw, IS PAN Publ., 2016, pp. 179–194. 556 p. (In Russ.)

Beletich M. Ot devet brata krv (fitonimy i termini srodstva) [Blood from nine brothers (phytonyms and terms of relativity)]. *Kodovi slovenskikh kultura. Rasteniya* [Codes of Slavonic Cultures. Plants]. Belgrade, 1996. 387 p. (In Serb.)

Le Goff J., Truon N. *Istoriya tela v srednie veka* [History of the Body in the Middle Ages]. Transl. from French. Moscow, 2008. 192 p. (In Russ.)

Mazalova N. E. *Chelovek v traditsionnykh somaticheskikh predstavleniyakh russkikh*. [The man in traditional somatic views of the Russians] St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2001. 192 p. (In Russ.)

Mitologiya na choveshkoto tyalo: Antropologichen rechnik [Mythology of human body: anthropological dictionary]. Ed. by M. Georgiev. Sofia, 2008. 665 p. (In Bulg.)

Knapp R. *Skrytaya zhizn' Drevnego Rima. Raby i Gladiatory, Prestupniki i Prostitutki, Plebei i Legionery... Zhiteli Vechnogo Goroda, o Kotorykh Zabyla Istoria* [Invisible Romans: Prostitutes, Outlaws, Slaves, Gladiators, Ordinary Men and Women – The Romans that History Forgot]. Moscow, Tsentropoligraph Publ., 2013. 384 p. (In Russ.)

Makarjioska L. *Leksikata od oblata na istorijata na meditsinata* [Vocabulary of history of medicine]. Skopje, 2011. 426 p. (In Macedon.)

Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar russkoy kul'tury*. [Constants: dictionary of the Russian culture]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2001. 990 p. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Motivatsionnye semanticheskie modeli i kartina mira* [Motivational semantic models and the picture of the world]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2002, issue 1(3), pp. 112–127. 319 p. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Semanticheskaya rekonstruktsiya i problema sinonimii v praslavyanskoy leksike [Semantic reconstruction and synonymy problems in protoslavonic vocabulary]. *Slavyanskoe yazykoznanie. XIV Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov. Doklady rossiyskoy delegatsii* [Slavic linguistics. XIV International Conference for Slavists. Russian delegation papers]. Moscow, 2008, pp. 549–563. 576 p. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshch斯拉vianskoy perspektive* [Word space. Lexical semantics in common Slavic perspective]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 528 p. (In Russ.)

Тырпа А. *Fraseologia somatyczna. Związki frazeologiczne o znaczeniach motywowanych cechami części ciała w gwarach polskich*. [Somatic phraseology. Phraseological connections in the meanings motivated by parts of the body in Polish dialects] Łask, Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2005. 373 p. [Somatic phraseology] (In Pol.)

**ASSOCIATIVE, DERIVATIONAL AND PHRASEOLOGICAL SEMANTICS
OF THE ITALIAN *SANGUE* 'BLOOD'**

Slaviana S. Mikhailishcheva

**Postgraduate Student in the Department of Russian Language,
General Linguistics and Verbal Communication**

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenina st., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. ssm01@yandex.ru

SPIN-code: 1267-7121

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3209-7719>

ResearcherID: D-3808-2018

Submitted 25.01.2018

The article considers associative derivational semantics of the word *sangue* 'blood' in the Italian language. The derivatives of this word are classified into the following thematic groups: physical world, psychical world, social conflicts, family relationships, everyday life, rituals, nature. In the article, a motivation analysis of the semantic derivatives is carried out, universal and specific semantic transfers are identified, suppositions regarding the ethnocultural motivation of certain facts are described, data concerning the etymology of the words with the meaning «blood» (ital. *sangue*, ital. *cruore*) are provided. This paper is the first attempt to create an ethnolinguistic portrait of the word *sangue* in the Italian language. It is found out that this word has semantics traditional for other somatisms (e. g. derivatives of this word can name phenomena of both physical and psychical worlds), but at the same time it reflects the ambivalent perception of blood. It is also found that in the Italian language worldview blood is considered to be related to human animalistic nature, but it also symbolizes a redemptive sacrifice (of Jesus Christ or other martyrs). This ambivalent perception of the concept may be connected with the influence of the Christian religion on Italian traditional culture. Semantic and motivational connections of the word *sangue* are revealed, and owing to this we can speak about some universal (at least for European languages) concepts identified in the linguistic portrait of this word (e. g. blood is considered to be the quintessence of vital energy, it is also a symbol of genetic relationships). This article is based on the material taken from the biggest dictionaries of the Italian language – The Dictionary of the Italian Language by N. Tommaseo and The Major Dictionary of the Italian Language by S. Battaglia.

Key words: somatism; semantics; motivation; semantic transfer; ethnolinguistical portrait.